

ИЛЬЯ ИГНАТОВ

БАРИН-ИНЖЕНЕР

СВОЁ ЖЕЛЕЗО

ТОМ 2

Илья Игнатов

**Барин-инженер.
Том 2. Своё железо**

«Автор»

2026

Игнатов И.

Барин-инженер. Том 2. Своё железо / И. Игнатов — «Автор»,
2026

Первый насос заработал. Теперь нужно заставить работать целый завод. Россия, 1908 год. В девятнадцатилетнем Иване Игнатове живёт память инженера, за плечами которого — десятилетия работы. Он уже доказал, что умеет создавать машины. Но спасти отцовское дело одним удачным изобретением не получится. Новый заказ обещает деньги, которых отчаянно не хватает. Только сначала нужно отлить корпуса, собрать насосы и доставить их на шахту. В срок. Без брака. Пока банк ждёт платежа, рабочие — жалованья, а влиятельные конкуренты предлагают помощь, за которую придётся дорого заплатить. Здесь знание будущего не исправит плохую отливку и не заменит опытного мастера. За каждый чертёж придётся отвечать своим именем, за каждую ошибку — своими деньгами. Иван намерен построить дело, которое сможет назвать своим. Своим трудом. Со своими людьми. Со своим железом.

Содержание

Глава 1. Пустая полка	5
Глава 2. Чужой вагон	9
Глава 3. Воздух в трубе	13
Глава 4. Первый заказ артели	16
Глава 5. Чугун начинается с дерева	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Илья Игнатов

Барин-инженер. Том 2. Своё железо

Глава 1. Пустая полка

— Не продам, Иван Алексеевич.

Приказчик вернул мою заявку и положил ладонь на край стойки. За его спиной лежали стальные прутки — ровные, толстые, с белой краской на торцах. Как раз такие были нужны для насосных валов.

— Вчера вы обещали назвать цену.

— Вчера обещал. Сегодня получил распоряжение.

Я развернул лист. Три заготовки, размеры, сорт стали. Ничего редкого. Ещё неделю назад этот склад продавал подобный металл любому, у кого хватало денег.

— Всё уходит по большим заказам. Остальные заявки рассматривают отдельно. Ответ через неделю.

— А те прутки?

— Уже распределены.

— Кому?

Приказчик посмотрел на меня без раздражения. Этот вопрос ему сегодня задавали прежде.

— Мне не поручено обсуждать покупателей.

Я забрал бумагу. Её отказались даже принять: на маленький заказ не хотели оставлять место в очереди.

Первое мая 1908 года начиналось неприятно. Вчера мы внесли апрельский платёж и сохранили Игнатовский завод. Сегодня выяснилось, что работающему заводу могут просто не продать сталь.

В бумагах нового владельца склада значился торговый дом Ратмановых. Накануне я отказался отдать ему управление нашим предприятием. Доказывать, что отказ и нынешнее распоряжение связаны, было нечем. Ждать неделю от этого легче не становилось.

Банку мы всё ещё были должны двадцать тысяч рублей. До конца мая предстояло внести две тысячи рублей в счёт долга и двести пятьдесят рублей процентов. В заводской кассе после вчерашнего расчёта оставалась тысяча триста девяносто рублей.

Первый месяц мы выдержали благодаря двум насосам для шахты Северной. Теперь нужна была следующая работа. А у меня в руке лежала заявка, с которой можно было разве что вернуться домой.

На улице продавали горячие пирожки. Я остановился, спросил цену и полез в карман. Денег на завтрак не оказалось: оставил в другом жилете.

— Потом зайду, — сказал я мальчишке.

Он уже смотрел на следующего покупателя.

Князь Ратманов предлагал мне должность главного инженера и сто восемьдесят рублей в месяц. Распоряжаться заводом после сделки должны были его люди. Сейчас пахнувший капустой пирожок довольно убедительно объяснял преимущества этого предложения.

Я пошёл в цех.

* * *

Старший мастер Савельев стоял у разобранного ящика с инструментом. Фёдор, наш молодой сборщик, проверял то, что вернулось с Северной. Ключи ложились на ветошь один за другим; возле двух размеров оставались пустые места.

— Взяли из второго ящика, — сказал Фёдор, заметив мой взгляд. — Сейчас верну. Там тоже должно быть всё.

— Хорошо.

— Сталь купили? — спросил Савельев.

Я показал заявку. Мастер прочёл, поджал губы.

— Тогда старые обрезки посмотрим. На мелочь хватит. На новые валы — нет.

За сверлильным станком работал человек в кожаном фартуке. В апреле он чаще других спрашивал, когда дадут деньги, и меньше других верил моим ответам. Деньги мы наконец выплатили. Имени я до сих пор не знал.

— Как вас зовут?

Он поднял голову.

— Павел Логинов.

— Иван Алексеевич, — представился я и сразу понял, насколько нелепо это прозвучало.

— Это я знаю.

Савельев отвернулся к ящику, пряча улыбку.

— В ведомости есть, — добавил Павел. — Вы подписывали.

— Значит, подписывал невнимательно.

Он пожал плечами и вернулся к детали. Никакой благодарности за интерес к его имени мне не полагалось.

Месяц назад я проснулся в теле девятнадцатилетнего Ивана Игнатова. До этого прожил шестьдесят два года и почти половину из них проработал главным инженером. Знания помогли поднять завод, но старые привычки перебрались сюда вместе со мной. Человека возле станка я успел запомнить как «сверловщика», будто этого было достаточно.

В конторе Софья Михайловна разбирала почту. Она вела счета, договаривалась об оплате и умела вовремя остановить меня перед очередной дорогой затеей. Без неё вчерашняя поездка в банк закончилась бы совсем иначе.

— Не продали? — спросила она.

— Даже заказ не взяли.

Я положил заявку рядом с её книгой.

— Второй поставщик ответил со станции, — сказала Софья. — Сталь у него есть. Только меньше большой партии не отпускает.

Она показала количество. Для трёх насосов нам хватило бы малой части. Остальное пришлось бы хранить, а зарплату людям выдавать рассказами о том, сколько хорошего железа у нас во дворе.

— С кем-нибудь вместе купить можно?

— Можно. Если этому человеку нужны остальные размеры и он тоже готов платить.

Я сел. На столе лежало письмо механика Зорина с Северной: он просил пополнить запас сменных деталей к нашим насосам. Две машины работали, люди уже умели обслуживать их без нашего постоянного приезда. Но запас расходовали, и его нужно было восстанавливать.

— Это сделаем из своих заготовок, — сказал я. — Сначала Савельев проверит, потом назовём цену.

Софья передвинула ещё один конверт.

— Берёзовская артель ждёт нас третьего мая. Дорогу и обследование оплачивают. Двести сорок рублей за двоих.

В конце апреля оттуда прислали приглашение посмотреть шахтный водоотлив. Если старые насосы не справлялись, у нас появлялся новый покупатель. Но прежде требовалось понять, что именно там сломано.

К письму был приложен рисунок. Механик Андрей Васильевич Лобанов начертил место, где стояли машины, и трубу от водосборника. Перед насосом труба поднималась, потом снова опускалась.

Я задержал палец на этом изгибе.

— Здесь воздух может застревать. Посмотрим на месте.

— Кого берёшь?

— Фёдора. Савельев нужен на заводе.

— Дорога, жильё и инструмент обойдутся примерно в сто восемьдесят. За саму работу останется шестьдесят.

Я поднял глаза.

— Не самая выгодная поездка.

— Зато оплаченная. Можешь отказаться и искать заказ из нашей конторы.

В конторе новых заказчиков не прибавилось бы, сколько ни смотреть на стену.

— Едем, — сказал я.

* * *

Савельев принёс два старых чертежа и присел возле пустой насосной площадки. В апреле там стояли чугунные корпуса, оставшиеся от отцовских закупок. Мы доработали их и сделали две машины. Больше готовых корпусов на складе не было.

— Следующие отлить придётся, — сказал мастер. — У Лебедева.

— Старые модели сохранились?

— Думаю, да. Через него отец заказывал.

Слово «модель» тут означало не маленький насос для показа покупателю. Литейщику нужна деревянная копия будущего корпуса. Вокруг неё утрамбовывают смесь песка и глины, затем дерево вынимают, а в полученную полость заливают чугун. Без точной деревянной заготовки новое производство начиналось с плотницкой работы.

Савельев достал из-под верстака потемневшую доску с половиной круглого обода.

— От нашего старого комплекта. Под навесом нашёл.

Я приложил её к чертежу. Край повело, возле крепления дерево растрескалось.

— По ней отлить можно? — спросил Фёдор.

— Можно получить кривой корпус, — ответил мастер. — Потом месяц его точить. Если стенки хватит.

Сначала металл, теперь дерево. В моей прежней жизни подобные вопросы отправляли в отделы снабжения и подготовки производства. Здесь оба отдела помещались возле одного стола, а начальником каждого оставался я.

Фёдор положил рядом свою тетрадь. Для поездки он уже составил список измерений и отдельно подчеркнул вопрос о ночной смене.

— Почему ночью? — спросил Савельев.

— Днём механик рядом. Может показать, как надо. А ночью увидим, как они делают сами.

Я прочёл письмо Лобанову, которое Фёдор приготовил. Исправлять было нечего.

— Отдай Софье Михайловне. Пусть отправит.

Парень забрал тетрадь, явно довольный. Я впервые за утро почувствовал, что не всё на заводе требует моего личного ремонта.

* * *

Вечером Софья закрыла счётную книгу, а я всё ещё перекладывал чертежи. Поднял голову только тогда, когда она надела пальто.

— До набережной пройдем? — спросил я.

Она посмотрела на часы.

— У тебя завтра поезд.

— Поэтому сегодня.

— Тогда убери бумаги. Я подожду у ворот.

Мы шли рядом. После цеха было необычно тихо: плеск воды, скрип тележного колеса, женские голоса за оградой. Софья сняла перчатку и поправила волосы. Я смотрел на её пальцы и никак не мог выбрать, о чём заговорить.

— Про склад сейчас не надо, — сказала она.

— Я ещё ничего не сказал.

— Но уже собирался.

Я засмеялся.

— Когда вернёшься? — спросила она.

— Четвёртого. Если задержимся, сообщу.

На другом берегу две женщины пытались вытащить тележку из грязи. Одна сердито тянула за оглоблю, другая удерживала мешки. Потом из-под мешков вылезла коза, прыгнула на берег и потащила за собой верёвку.

Софья рассмеялась первой. Я смотрел на неё и подумал, что мать тоже посмеётся, когда расскажу. Завод в эту минуту спокойно обходился без меня.

Дома Мария укладывала еду в дорогу. Проверила рубашки, спросила, есть ли у Фёдора тёплая куртка, и добавила в свёрток ещё хлеба.

— На двоих, — пояснила она. — Вы там за работой забудете.

Я поцеловал её в щёку. Мать на мгновение застыла, потом прижала мою руку к своему лицу.

Заявку на сталь я оставил в кабинете. Завтра мне предстояло ехать к людям, которым нужна работающая машина. Если сумеем помочь, придётся искать металл всерьёз.

Глава 2. Чужой вагон

Фёдор появился на станции с маленьким узлом и большим ящиком. Я принёс две сумки и ящик поменьше. Пока шли к кассе, мне казалось, что он слишком легко шагает под своей ношей.

— Давай поменяемся.

— Зачем?

— Тебе ещё целый день мерить. Побереги руки.

Я взял его ящик и едва не поставил обратно. Внутри, судя по весу, лежала половина заводского железа.

Фёдор посмотрел на меня с плохо скрытой улыбкой.

— Там инструмент. А в вашем бумага.

— Бумага тоже бывает тяжёлой. Только позже.

На платформу я дошёл, меняя руки. Молодое тело было сильнее моего прежнего, но оно тоже не любило, когда за него принимали глупые решения.

В вагоне третьего класса пахло мокрыми пальто и хлебом. Под сиденьем кто-то устроил корзину с курицей. Курицу иногда возмущало путешествие, и она требовала выпустить её к остальным пассажирам.

Мы сели у окна. Напротив расположилась женщина в хорошем дорожном платье, рядом с ней — худой служащий с папкой.

— Землемеры? — спросила она, разглядывая ящики.

— С механического завода, — ответил Фёдор.

— Так и подумала. У землемера коробка длиннее.

Она представилась Аграфеной Сергеевной Щукиной. Держала склад на Разъездной товарной станции и занималась перевозками. Служащего звали Никита.

— Еду выяснять, где наши вагоны, — сообщила Щукина. — Обещали подать вчера.

Никита пошевелился.

— Аграфена Сергеевна, это же не обязательно каждому рассказывать.

— А что рассказывать? Как красиво поезд идёт? Он идёт, а наш груз лежит.

Колёса гремели на стыках. Фёдор смотрел в окно так внимательно, будто вдоль дороги показывали устройство мира. В прежней жизни Максим в первой дальней поездке смотрел почти так же. Сын был тогда ещё маленьким, постоянно спрашивал, почему один поезд везёт людей, а другой — землю.

Я отодвинулся, освобождая Фёдору обзор.

Максим теперь был взрослым. Должен был узнать о моей смерти. От этой мысли я некоторое время не слышал разговор напротив.

— Иван Алексеевич? — позвала Щукина.

Я повернулся.

— Простите. Что?

— Спрашиваю, завод ваш?

— Мой. Игнатовский, в Беловске.

— А-а. Про насосы на Северной слышала. Ваши ящики там несколько раз возили.

Я кивнул. Приятно было узнать, что в городе помнят не одни отцовские долги.

* * *

Щукина заметила название склада на моей заявке, когда я достал папку.

— У этих теперь поштучно не купите, — сказала она.

— Узнал вчера.

— Они ещё в марте начали собирать большие заявки. Вам старые остатки обещали, вероятно. Новое уже под других покупателей расписано.

— Есть склад, где можно взять небольшую партию?

— Есть. Доставка дороже. Иногда сама сталь дешевле. Сколько вам надо?

Я назвал размеры. Свободных заводских денег вслух не называл.

Щукина сняла перчатку, вынула карандаш и быстро записала.

— На вагон мало. Но станционная мастерская берёт круглую сталь. Кузнецы — полосы. Если каждому нужно своё, можно привезти вместе.

— Именно об этом думали.

— Думать легко. Один деньги обещает завтра, другой ждёт, пока покупатель расплатится, третьему товар понадобится осенью. А вагон подали сегодня.

Она повернула книжку к Никите.

— Посмотри, у Мартына Лукича оплаченная часть есть?

Служащий нашёл строку и показал. Щукина покачала головой.

— Вот. Пока только разговор.

Я записал её адрес.

— Если наш заказ подтвердится, сможем оплатить сразу.

— Тогда присылайте список. За своё платите вы, за чужое — чужой хозяин. Я сведу груз и посчитаю дорогу. Бесплатно бегать по складам не обещаю.

— Бесплатно и не прошу.

Щукина посмотрела на меня внимательнее.

— Хорошо. Сталь какую хотите? У них на всю партию бывает одна бумага.

— Нужно сохранить номер партии на наших кусках. Чтобы после разрезки не оказалось, что нам положили похожее железо из другой кучи.

— Проверим при выгрузке. Никита, это отдельно запиши.

Фёдор слушал, держа тетрадь на коленях. Я вдруг представил, как он потом пересказывает этот разговор Савельеву. Раньше снабжение казалось ему чем-то, что хозяин делает вне цеха. Сегодня он видел, сколько людей стоит между нужным размером в чертеже и прутком возле станка.

* * *

На узловой станции поезд задержали. Мимо медленно протянули товарный состав. На одном вагоне стоял знакомый знак дома Ратмановых.

Никита подался к окну.

— Их подача. А нашу на завтра перенесли.

Щукина убрала книжку в сумку.

— Сейчас вернусь.

Она вышла и через несколько минут разговаривала на платформе с человеком в форменном сюртуке. Тот дважды развёл руками. На третий раз Щукина показала ему накладную и ткнула пальцем в строку. Руки пришлось опустить.

— Поможет? — спросил Фёдор.

— Посмотрим.

— У больших домов свои вагоны?

— У них много перевозок. С таким покупателем станция не хочет ссориться.

— А с ней хочет?

— Думаю, тоже не хочет. Только с ней можно отложить до завтра.

Фёдор посмотрел на женщину за стеклом. Она продолжала ждать, пока человек дочитает бумагу.

Щукина вернулась с покрасневшими от ветра щеками, села и вынула яблоко. Разрезала на четыре части.

— Завтра дадут половину. Остальное послезавтра. Никита, завтра до обеда. Потом скажут, что подразумевали ночь.

Она протянула мне четвертинку.

— Вы куда едете?

— В Берёзовскую артель. Смотреть насосы.

— Лобанов хороший механик. В июне ему особенно понадобятся исправные машины.

— Почему?

— У них новое соглашение на руду. Какое — спросите сами. Я вожу то, что они добывают.

Я хотел расспросить подробнее, но Щукина уже повернулась к Никите. Его папка раскрылась на новых несчастьях.

Фёдор ел яблоко небольшими кусками, будто берег на всю дорогу.

— Она не боится им говорить, — заметил он.

— Бояться можно и всё равно говорить.

— Вам вчера тоже можно было?

Я вспомнил приказчика и сталь за его спиной.

— Я сказал. Только нам нужен другой склад, а не более громкий разговор.

* * *

У станции Берёзовской нас встретил возчик. Посмотрел на фамилию в записке, потом на меня.

— А инженер где?

— Перед вами.

— Мне велели двух привезти.

Фёдор поднял ящик.

— Вот второй.

Возчик поколебался, но тяжёлый инструмент убедил его лучше наших лиц. Мы погрузили вещи и поехали между редкими берёзами. На низких местах дорога ещё держала воду, колёса входили в колею с таким звуком, что я невольно смотрел, не осталось ли позади половины повозки.

Поселили нас в комнатах при артельной конторе. На столе стояли чайник, хлеб и записка механика. Утром он ждал у насосной; вечером обещал зайти, если успеет.

Фёдор сразу открыл ящик и потянулся к измерительному инструменту.

— Поедим сперва, — сказал я.

— В дороге могли сбить.

— За десять минут ничего не изменится. Если сломали, голодными всё равно не исправим.

Парень сел и достал домашнюю колбасу. Я развернул материн свёрток. На двоих еды хватало с запасом.

— Часто ездил? — спросил я.

— С отцом в соседний уезд. Потом сам на заработки. Так, на машины, первый раз.

— Дома не возражали?

— Мать спросила, за дорогу заплатят или я ещё должен буду. Сказал, что заплатят.

— И отпустила?

— Ещё хлеб сунула.

Мы посмотрели на два хлебных свёртка и засмеялись. Наши матери в одном вопросе прекрасно договорились без писем.

* * *

Андрей Васильевич Лобанов пришёл после восьми. Лет тридцати пяти, короткая борода, заплата на локте. Он положил два журнала на стол и поздоровался за руку.

— Насосы снять и к вам отправить не могу, — сказал он сразу. — Пока туда, пока обратно — участок затопим.

— Сначала посмотрим на месте.

Лобанов раскрыл журнал. Высота, на которую требовалось поднимать воду, была нашим насосам Н-4Р по силам. Но воды прибывало много: требовались две рабочие машины и ещё одна на замену, если какая-нибудь остановится. Старые насосы сперва брали воду, потом начинали шуметь и теряли подачу. После остановки иногда снова работали нормально.

— Износ, думаю, — сказал механик. — Вскрывали два раза.

Я разложил присланный рисунок.

— Эту трубу проверяли? От водосборника до насоса?

— Кусок у машины меняли неделю назад.

— Остальное?

— Завтра покажу. Там под настилом часть.

Мы договорились об утре. Лобанов забрал журналы, оставив нам копии показаний.

После его ухода Фёдор спросил:

— Если починим старые, новые заказывать не станут?

В Беловске остался завод с двадцатью тысячами долга. Здесь под землёй стояли люди, которым требовалось откачивать воду уже сегодня.

— Может, и не станут. Сначала узнаем, сколько стоит ремонт.

— А если дешевле?

— Значит, предложим ремонт.

Фёдор помолчал, потом кивнул и снова открыл ящик. Я помог ему проверить инструмент.

За стеной тяжело скрипнули сапоги: кто-то вернулся со смены. Мы готовились начинать работу утром, а чужая работа здесь всё это время продолжалась.

Глава 3. Воздух в трубе

У конторы Берёзовской стояли три телеги с пустыми рудными ящиками. На одной спал возчик, положив голову на свёрнутое пальто. Из мастерской доносились удары молотка. Люди уже несколько часов работали, а нам ещё предстояло выяснить, почему они периодически оставались без водоотлива.

Лобанов провёл нас вниз, к насосам. У водосборника было сыро, доски под ногами прогибались. Вода стекала по стенке и терялась в темноте. Возле одной машины двое рабочих меняли настил.

— Здесь тесно, — предупредил механик. — Но крышку снять можно.

Фёдор присел, приложил к проходу свою мерку.

— Если второй человек уберёт ноги, — сказал он.

Один из рабочих поднял голову.

— А мне куда их убрать?

Лобанов посмотрел на узкое место, потом на инструментальный ящик.

— Расширим. Запиши сколько.

Парень записал. Я осмотрел привод и попросил пустить насос.

Машина набрала обороты, вода пошла в напорную трубу. Несколько минут всё выглядело сносно. Потом к ровному гулу примешалось шуршание, стрелка задрожала, подача уменьшилась.

Рабочий у водосборника махнул рукой.

— Опять!

Лобанов наклонился к журналу.

— Вот так и работает. Иногда по полчаса держит, иногда сразу хуже.

— При низкой воде чаще?

— Чаще. Поднимется — легче берёт.

Я посмотрел на трубу, по которой вода попадала в насос. Её дальний участок скрывался под настилом.

— Доски снимем?

Механик позвал людей. Когда подняли первую доску, открылась заплата с проволоочной стяжкой. Снаружи она была мокрой. Рядом труба имела странную вмятину.

— Кто это делал? — спросил Лобанов.

Рабочий назвал фамилию и день.

— Почему в журнале нет?

— Есть. У дневных.

Фёдор поднял свой лист.

— А насос вы по другому журналу смотрели?

Лобанов не ответил сразу. Машина продолжала шуметь за нашей спиной.

Ремонтники меняли части трубы, смены записывали каждую свою работу отдельно. Механик дважды вскрывал насос, но полного списка того, что произошло перед ним, не видел.

* * *

На время осмотра включили резервную машину. Лобанов дождался, пока она возьмёт воду, потом остановил тот насос, который мы проверяли. Мы сняли повреждённый участок.

Под заплатой обнаружилось старое соединение. Трубу когда-то заменили более тонкой; одну сторону сплющило, уплотнение рассыпалось при разборке. На входной решётке застряли грязь и щепки.

Я показал Лобанову обе находки.

— Насос тянет воду через эту трубу. Когда проход забивается, внутри давление падает ещё сильнее. Тонкую стенку повело, соединение начало пропускать воздух.

— Вода же снаружи выходит.

— На остановленной машине. Во время работы он через ту же щель может тянуть воздух внутрь. Поэтому и шумит, и подачу теряет.

Механик провёл пальцем по старой замазке.

— Новую линию велел делать позже. Пока эту привести в порядок.

— Её и приводили. Несколько человек, каждый на своём куске.

Он посмотрел на снятую трубу, затем позвал старшего смены. Попросил принести журнал дневных и оставить соединение открытым после ремонта.

Фёдор зарисовал повреждённый участок. Я тем временем осмотрел насосы. Износ тоже был: одну опору следовало восстановить, несколько сменных деталей давно подгоняли по месту. Даже с исправной трубой эти машины не становились новыми.

— Сколько протянут? — спросил Лобанов.

— Скажу после разборки второго. Пока вижу, что вы теряете подачу не только из-за насосов.

— Мне до июня дотянуть надо.

— Что в июне?

Он закрыл инструментальный ящик.

— Сергей Павлович расскажет. Пойдёмте, он ждал после полудня.

* * *

Управляющий пайщик артели Сергей Павлович Вяземский встретил нас в чистом кабинете. Мы оставили грязные сапоги на подстилке у двери. Лобанов держал журналы так, чтобы не испачкать стол.

— Мне рекомендовали изготовителя насосов, — сказал Вяземский. — А вы собираетесь чинить старые?

— Сейчас это поможет быстрее. Труба перед насосом неисправна. Новая машина на её месте тоже потеряет подачу.

Лобанов положил рисунок и показал заплату. Вяземский выслушал, посмотрел на мою грязную манжету.

— К двенадцатому июня участок должен работать устойчиво. По руде новое соглашение. Если сорвём добычу, придётся платить за людей и перевозки, которые уже заказаны.

Он указал на карту. Старый участок готовили к большей нагрузке. Вода и прежде мешала работе, теперь запас времени становился совсем мал.

— Хотим две новые машины, — продолжил управляющий. — До них ремонтируйте эти.

— Чем замените новую, если остановится?

— Старую оставим.

Лобанов склонился над картой. На лице у него появилось знакомое выражение человека, которому опять предложили помнить за всех, какая деталь куда подходит.

— Старый резерв можно оставить, — сказал я. — Но его нужно отдельно держать исправным. Другие детали, другой порядок разборки. Посчитаем оба варианта: две новые машины со старой резервной и три одинаковые.

— Третья ваших денег стоит, — заметил Вяземский.

— Стоит. Поэтому сперва расчёт.

Он постучал карандашом по краю карты.

— Вы готовы их сделать?

— На заводе нет готовых корпусов. Нужно заказать отливки, проверить сроки, купить сталь. Цену и обещание привезти к сроку дам после этого.

— Так зачем приехали?

— Вы оплатили обследование. Я пока его не закончил.

Вяземский посмотрел на Лобанова. Тот встретил взгляд спокойно.

— Давайте закончим, — сказал управляющий.

Мы разобрали будущую установку. Два двигателя уже работали, третий сохранился от прежнего участка. Его артель должна была проверить. Места под насосы, приводы и трубы готовили они; мы могли изготовить машины, помочь установить и научить смены обслуживать их.

Для двух работающих насосов понадобилась бы общая напорная линия. Через неё вся вода уходила наверх. Я попросил Лобанова отметить её путь и высоты: исправные машины ещё не гарантировали нужный расход в любой трубе.

Механик принёс отдельный рисунок. Мы задержались в кабинете дольше, чем Вяземский рассчитывал. Под конец он уже сам задавал вопросы о резерве.

* * *

После ужина вернулись к насосам. Фёдор настоял на ночной смене и теперь расспрашивал людей, где лежит запас, кто выдаёт детали и за сколько минут можно принести ключ.

Начальник смены ответил на первые вопросы, потом остановился.

— Вы насосы проверять приехали или меня?

— В апреле у нас нужная деталь лежала далеко, — сказал Фёдор. — Машина стояла, пока за ней ходили. Не хочу опять так.

Человек помолчал и показал кладовую.

Я осматривал второй насос. Лобанов уже велел разобрать настил над трубой, которую предстояло заменить. Рабочие спорили, как сохранить проход, не закрыв соединение досками снова.

У выхода нас остановил человек с глиной на руках.

— Вы из Беловска? Про Северную слышали.

— Оттуда.

— У нас лучше будет?

Я посмотрел на воду возле его сапог.

— Сначала сделаем, чтобы сегодняшние машины работали нормально. Потом будет видно, что нужно менять.

— А простой кто оплатит?

— Это с управлением решать.

Он усмехнулся.

— Значит, опять сами потеряем.

Человек пошёл к смене. Объяснять ему, за какую часть отвечает приглашённый инженер, было бессмысленно. Свой потерянный заработок он понимал без меня.

В комнате Фёдор разложил два рисунка. На одном были насосы, на другом — трубы и кладовая.

— Теперь оба возить будем? — спросил он.

— Оба.

— Места больше займут.

— Придётся взять папку побольше.

Он улыбнулся, убрал листы и лёг. Я ещё раз посмотрел на схему трубы. Завтра требовалось предложить людям работу, которую мы действительно успеем сделать.

Глава 4. Первый заказ артели

Четвёртого мая Лобанов принёс к нам хлеб и две чашки чая. Фёдор уже складывал инструмент, я проверял перечень ремонта.

— Сергей Павлович спрашивает цену, — сказал механик. — А за обследование расчёт готов.

Мы ещё раз прошли по работам. Трубу артель делала из своего материала. На нашу долю приходились детали насосов, восстановление опоры, проверка после сборки и помощь на месте. Лобанов попросил вычеркнуть одно соединение: его мастерская могла изготовить сама.

После этого я назвал цену.

— Тысяча триста восемьдесят. Закончим восемнадцатого мая. Детали пришлём раньше, чтобы вы подготовили место.

Механик задумался.

— С новым заказом это связано?

— Нет. Если новые машины не купите, ремонт всё равно закончим.

— Хорошо. Пойдёмте к нему, пока ещё не начали звонить со станции.

Управляющий прочёл перечень стоя, потом сел. Тысяча триста восемьдесят перед покупкой новых насосов ему явно не нравились.

— Я заплачу дважды, — сказал он.

Лобанов открыл рисунок.

— Труба, проход, крепления здесь остаются и под новые. А старые позволят работать до июня.

Я показал на опору и сменные детали. Сейчас ремонт удерживал участок от остановки. Позже исправная старая машина могла ещё пригодиться, даже если артель выберет три наши.

— Половину сразу, половину после проверки, — решил Вяземский.

Мы записали аванс — шестьсот девяносто рублей. Восемнадцатого он должен был увидеть отремонтированную установку и подписать оставшуюся оплату.

Лобанов сверил перечень ещё раз. Я исправил две фразы, которые могли дать нам разное понимание того, кто делает трубу. Софья справилась бы быстрее, но её рядом не было.

Вяземский подписал и положил перо.

— Новые когда предложите?

— После литейной. По возвращении встречаюсь с изготовителем корпусов.

— Только не начинайте с цены выше той, что я уже видел.

— Если наша будет выше, объясню почему.

Управляющий посмотрел на меня так, словно эту часть объяснения предпочёл бы никогда не слышать.

* * *

Двести сорок рублей за обследование выдали в конторе наличными. Я пересчитал, расписался и убрал в карман. Ремонтный аванс артель отправляла через банк.

На станции Фёдор заметил, как я проверяю карман.

— Не потеряете?

— Вспоминаю, сколько из этих денег уже потрачено.

— Билеты назад ещё не купили.

— Поэтому и вспоминаю.

После дороги и жилья от обследования должно было остаться шестьдесят рублей. С новым ремонтом это уже был результат, ради которого стоило уезжать из Беловска.

У товарного вагона мы увидели Щукину. Она стояла рядом с двумя грузчиками и человеком, который никак не мог найти в накладной нужную строку.

— Половину привезли, — сообщила она, заметив нас. — Половину выгрузили не туда. Теперь ищем, которая половина правильная.

Никита показал ей другую страницу. Щукина прочла, вздохнула и распорядилась открыть соседнее место.

— Ваш металл сюда бы поместился, — сказала она мне. — Только заявку сегодня нужно.

— Большой заказ ещё не подписан. Под ремонт хватит своих заготовок.

— Тогда деньги берегите. Когда насосы захотят, присылайте список.

Я рассказал о поездке к Лебедеву. Она сразу оживилась.

— Он и уголь просит, и металл. Ваше можно вместе с его отправить. Если оплатит вовремя.

— У него заказов много?

— Просьб много. Заказы у него в конторе спросите.

Она назвала дни, когда можно было собрать общую партию, и велела Никите записать мой адрес.

К пассажирскому вагону мы шли быстро: уже звонили.

— У неё всё получается, — сказал Фёдор.

Я оглянулся. Щукина по-прежнему ждала возле неправильно выгруженного груза.

— Пока не всё. Поэтому и ждёт.

Фёдор посмотрел туда же и помог мне поднять ящик на ступеньку.

* * *

Домой добрались после темноты. Мария встретила с лампой, посмотрела на мою рубашку и тут же забрала сумку.

— Чистую почему не надел?

— Не догадался.

— Она же сверху лежала.

Для этого у меня не было инженерного объяснения. Я снял пальто, вымыл руки и сел к ужину.

Мать слушала про артель внимательно. Когда я рассказал о почти полутора тысячах за ремонт, спросила:

— Это уже наш заказ?

— Подписан. Половину отправляют в банк.

— А большой?

— Только обследовали. Нужно посчитать.

Она кивнула и подложила мне картошки. Не потребовала превратить предварительный разговор в победу.

В кабинете лежало письмо из литейной. Савельев передал его ещё днём. Николай Ефимович Лебедев приглашал поговорить пятого мая.

Про старые деревянные модели в письме не было ни слова.

* * *

Утром Софья прочитала ремонтный договор и отложила в сторону дорожные счета.

— Восемнадцатого ты должен быть у них. А здесь в это время собираешься готовить новые насосы?

— Ремонт поведёт Фёдор. Приеду проверить, когда закончат.

— Ты с ним говорил?

Я помолчал.

Софья закрыла договор.

— Тогда сперва поговори. Он человек, а не свободная клетка в твоём графике.

Фёдор стоял у верстака, разложив привезённые приборы. Я объяснил будущую работу. Он выслушал и попросил опытного слесаря.

— Один не возьмусь. Лобанов там свой, но наши детали ему всё равно кто-то должен показать.

— Савельев назначит.

— И до дороги подготовиться нужно. Чтобы не приехать с тем, чего не пробовал.

Мы прошли к мастеру. Он предложил человека и оставил в расписании время на сборку ремонтных деталей. Поездка получилась дороже, чем я представлял вечером. Зато теперь было кому её выполнять.

Софья записала расходы. Я передал ей адрес Щукиной.

— Выясни условия покупки стали. Размеры здесь.

Она взяла лист и подняла глаза.

— Что именно тебе нужно узнать?

— Цену с доставкой. Срок. Какую партию можем взять вместе с другими.

— Хорошо. Остальное спрошу сама.

Я едва не начал перечислять ещё несколько вопросов, но вовремя остановился. Софья уже лучше меня представляла, какую часть ответа придётся искать у перевозчика, какую — у продавца.

Савельев ждал у ворот. Под мышкой держал старые чертежи. Мы пошли в литейную.

По дороге я всё-таки спросил:

— Лебедев модели наши считает?

— А чьи ещё? — удивился мастер.

Мне хотелось услышать именно этот ответ. Вчерашнее письмо, однако, я перечитал перед выходом ещё раз.

Глава 5. Чугун начинается с дерева

Литейная Лебедева стояла за ручьём. На узком мосту мы пропустили телегу с углём. Лошадь шла медленно, доски под колёсами стонали. Савельев придержал меня за рукав, когда я хотел пройти рядом.

— Пусть съедет. Тут и без барина тесно.

Во дворе пахло горелым песком. Под навесом лежали чугунные колёса, возле стены стояли деревянные заготовки. Человек с метлой обметал форму, другой ругался на собаку, которая выбрала для сна самый нужный проход.

Николай Ефимович Лебедев вышел из конторы. Высокий, сухой, с обожжённым краем рукава. С мастером поздоровался за руку, мне кивнул.

— Алексей Николаевич тоже любил с утра приезжать.

— К вечеру неудобно?

— К вечеру хоть видно, что успели. Утром все хотят успеть больше.

В конторе он разложил наши чертежи, узнал старый корпус и вынул связку ключей.

— Посмотрим, что от моделей осталось. Только основной комплект мой.

Савельев перестал разворачивать второй лист.

— Как ваш?

— Так и договаривались. Сейчас покажу.

Мастер посмотрел на меня. Я ничего не сказал: спорить до осмотра было рано.

* * *

В модельном складе оказалось сухо. На полках лежали деревянные части с бирками. На одной я прочёл название Игнатовского завода и номер прежнего заказа.

Савельев указал на надпись.

— Вот же наши.

— Фамилия для поиска, — ответил Лебедев. — Иначе я сам перестану понимать, для кого отливал.

Деревянная модель корпуса сохранилась неплохо. Хуже выглядел ящик, которым формовали внутреннюю полость: разошёлся шов, одну сторону когда-то чинили вставкой. Для отливки пустого чугунного корпуса нужны обе вещи. Наружная модель задаёт стенки снаружи, а песчаный стержень, приготовленный в таком ящике, оставляет пустое место внутри.

Я приложил старый чертёж. Чтобы новые корпуса можно было обрабатывать одинаково, требовались дополнительные припуски — лишний чугун в тех местах, которые потом снимает резец. На старых заготовках мастер каждый раз искал собственный путь к нужному размеру.

— Мне нужны три корпуса, — сказал я. — С одинаковыми местами, от которых будем мерить и ставить на станок. И чтобы следующую партию не приходилось начинать заново.

Лебедев посмотрел на Савельева.

— Он знает, что литьё всё равно разное выходит?

— Знает. Нам одинаково ставить надо. А лишнее снимем.

Литейщик позвал модельщика Осипа. Тот вытер руки о передник, наклонился над чертежом и сразу ткнул в размер.

— С готового насоса снято?

— Да.

— А чугун после остывания сядет. Я по этому дереву сделаю — получите меньше.

— Усадку учтём по вашему прежнему литью. Я хочу сперва проверить расчёт.

Осип склонился ниже. Теперь его интересовало само дело.

— Разъём здесь перенести удобнее. Когда форму собираем, рука не пролезает.

Я посмотрел, как он показывает. На бумаге свободного места хватало. В настоящей форме пальцы упирались бы в стенку.

— Покажите, куда перенести.

Мы присели втроём возле деревянного корпуса. Осип говорил, Савельев прикладывал чертёж, я отмечал изменения. Лебедев принёс табурет и тоже сел. Собака подошла, обнюхала бумаги и легла прямо возле двери.

* * *

Первую смету Лебедев написал на обороте старого листа. Подготовка моделей, пробная отливка, рабочие корпуса, крышки, проверка, доставка. Итог мне не понравился.

Литейщик это заметил.

— По старым счетам считали?

— По заводской смете.

— Когда составляли?

— Ещё отец.

— Уголь мне по тем ценам привезите, тогда и поговорим.

Я рассказал о Щукиной. Лебедев кивнул: знал её давно.

— Привезти умеет. Только сперва платить приходится.

Мы могли объединить доставку его топлива и нашего металла. Саму покупку всё равно каждый оплачивал отдельно.

Я попросил пока посчитать подготовку. Заказ артели ещё не был подписан; покупать три корпуса лишь потому, что разговор с управляющим мне понравился, было опасно.

Лебедев назвал сто шестьдесят рублей за обмер, рабочие предложения и небольшие исправления сохранившихся частей. Большую переделку и литьё мы начинали после нового соглашения.

— Если артель откажется? — спросил он.

— Эту подготовку оплачу. Расчёт и результаты работы оставите нам.

— А модель?

— Старую забирать пока не требую. Поднимем бумаги, выясним, что отец покупал.

Лебедев заметно успокоился. Он достал чистый лист и записал, за что именно берёт сто шестьдесят.

На обратном пути Савельев долго молчал.

— Алексей Николаевич цену всю сразу бы принял, — сказал он наконец. — А потом ждал большого заказа.

— Мы и так ждём. Только платить пока будем за то, без чего цену не узнаем.

На мосту опять пришлось пропускать телегу. Мне захотелось и мост расширить, и второй станок купить, и вообще перестать зависеть от чужой печи. Пока наши возможности заканчивались оплаченной подготовкой за сто шестьдесят рублей.

* * *

Софья встретила нас у конторы с банковским извещением. Шестьсот девяносто рублей ремонтного аванса уже поступили. Савельев сразу ушёл распределять детали, Фёдор отправился за ним.

Я рассказал про литейную.

— Почему старая модель не наша? — спросила Софья.

— Лебедев обещал поднять переписку. Говорит, была другая договорённость.

Она подошла к шкафу с отцовскими документами и вынула узкую папку.

— Тогда начнём со своей.

На папке было написано «Литьё». Я видел её в апреле и не открыл: два готовых корпуса стояли на складе, хватало других забот.

Софья разложила счета. В одном отец заказывал небольшую партию «по сохраняемому у вас модельному комплекту». За изготовление основной модели отдельного платежа не нашлось.

— Может, заплатил раньше, — сказал я.

— Может. Здесь этого нет.

Я сел и стал читать остальные листы. Наш новый насос обрастал работой, о которой месяц назад я не думал: чужим деревом, песчаными стержнями, очередью на заливку. Прежде готовые корпуса скрывали всё это за собой.

В дверях появился Фёдор с ремонтной деталью. Софья убрала счета, чтобы он не положил железо на письмо.

— Это для Берёзовской? — спросил я.

— Да. Попробуем сегодня собрать. Лобанову размер отправлю, пусть соединение приготовят.

Он показал деталь. С этой работой всё было понятно: вот металл, вот место, куда его поставят. Я задержал её в руке чуть дольше, чем требовалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.